

А. А. АХМАТОВА

Последняя сказка Пушкина

1

«Сказка о золотом петушке» Пушкина сравнительно мало привлекала внимание исследователей.

В историко-литературных статьях и комментариях мы находим очень скупые и неточные сведения о последней сказке Пушкина (1834 г.).

Отсутствие фабулы «Сказки о золотом петушке» в русском и иностранных фольклорах привело к мысли, что эта сказка имеет литературный источник.

Однако все поиски в течение последних 20—30 лет не увенчались успехом*.

Попытки найти источник «Сказки о золотом петушке» в сказках «Тысячи и одной ночи» также кончились неудачей.

Мне удалось найти источник «Сказки о золотом петушке». Это — «Легенда об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга из книги «Альгамбра».

Книга Вашингтона Ирвинга «The Alhambra» вышла в 1832 году в Париже**.

Одновременно в Париже был издан и французский, довольно точный, перевод этой книги***.

* Указание В. Сиповского (*Сиповский В.* Пушкин: Жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 470) на сказку Клингера «Le coq d'or» как на источник «Сказки о золотом петушке» — совершенно неосновательно¹.

** The Alhambra of the New Sketch Book by Washington Irving. Paris, 1832 (W. Galignani).

*** Les contes de l'Alhambra précédés d'un voyage dans la province de Grenade; traduits de Washington Irving par m-lle A. Sobry. Paris, 1832 (H. Fournier). Т. I—II).

В числе семи книг Ирвинга в библиотеке Пушкина находится и французское двухтомное издание «Альгамбрских сказок» *.

Еще при жизни Пушкина критика отмечала воздействие Вашингтона Ирвинга на автора «Повестей Белкина» (Н. Полевой в «Московском телеграфе» и анонимный рецензент в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» в 1831 г.).

Вопрос о непосредственном влиянии Ирвинга на Пушкина до сих пор остается открытым **.

Сам Пушкин упоминает об Ирвинге только один раз — в своем пересказе биографии Джона Теннера (1836 г.).

2

В 20—30-х годах XIX века Вашингтон Ирвинг был очень популярен в России. Многочисленные переводы его произведений находятся во всех наиболее известных журналах того времени: «Московском телеграфе», «Вестнике Европы», «Атенее», «Сыне отечества», «Телескопе» и «Литературной газете». Поэтому «Альгамбрские сказки» вскоре после того, как были изданы в Париже, сделались предметом обсуждения русских журналов.

Уже в июльском номере «Московского телеграфа», вышедшем в октябре 1832 года, появилась первая рецензия на «Les contes de l'Alhambra».

«В. Ирвинг написал уже: *Историю Колумба, Историю завоевания Гренады*. Теперь он описывает нам свое путешествие в Гренаду, видит в Алгамбре символ владычества и бытия Мавров в Испании и рассказывает суеверные предания, какие воображение Испанцев вывело из развалин Дворца Мавританского. Вы читаете сначала путешествие В. Ирвинга по южной Испании; потом подробное описание Алгамбры. Автор поселяется на время в Алгамбре, и разные случаи, разные встречи подают повод к рассказам старых преданий или, лучше сказать, сказок об Алгамбре. Всех сказок семь: *Арабский звездочет; История о трех прекрасных принцессах; История о принце Ахмеде-аль-Камеле, или Пилигрим любви; Наследство Мавра; Алгамбрская роза,*

* № 1019, «разрезан, помет нет» (см.: *Модзалевский Б.* Библиотека Пушкина. СПб., 1910.

** М. П. Алексеев доказал, что «История села Горюхина» Пушкина и «История Нью-Йорка» Ирвинга — вещи одного жанра (см.: К истории села Горюхина // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2).

или *Паж и сокол; Губернатор Манко и солдат; Две статуи*. Что сказать об них? Они все остроумны, и многие занимательны; но все равно, если бы наши *Русские* сказки начал рассказывать француз: так и В. Ирвинг рассказывает сказки *Мавританские*. Одна из них была переведена в Телескопе, но очень некрасиво, и притом это самая плохая. Лучшие, по нашему мнению: *Арабский звездочет, Пилигрим любви. Две статуи, Паж и сокол и Наследство Мавра*. Постараемся перевести которую-нибудь из них для читателей Телеграфа, с Английского подлинника» (с. 250—251).

Перевод одной из «Альгамбрских сказок», о котором рецензент «Московского телеграфа» дал неодобрительный отзыв, был помещен в IX части «Телескопа» (сентябрь): «Губернатор Манко. Из Алгамбры, нового сочинения Вашингтона Ирвинга».

В особом примечании издатель характеризует эту вещь как «народную испанскую сказку, обработанную В. Ирвингом».

Обещанный рецензентом «Московского телеграфа» перевод одной из цикла «Альгамбрских сказок» был напечатан в № 21 и 22 (ноябрь). Это перевод «Истории о принце Ахмеде-аль-Камеле», со следующим примечанием:

«Мы получили повесть сию при письме, в котором г-н переводчик говорит, между прочим, следующее: “В 14-м № Московского Телеграфа упоминаете вы, что намерены перевести для читателей своих одну из *Альгамбрских Повестей*. Не угодно ли будет вам поместить в Телеграфе посылаемую мной повесть из сей книги, которую перевел я уже всю, вполне, и хотел бы знать предварительно, стоит ли перевод мой печатания?”».

Таким образом, «Альгамбрские сказки» были полностью переведены на русский язык вскоре после появления английского и французского изданий. Однако, по неизвестным нам причинам, этот перевод остался ненапечатанным*.

Наконец в «Библиотеке для чтения» 1835 года, в IX томе, где впервые была напечатана «Сказка о золотом петушке», появилась статья «Вашингтон Ирвинг», представляющая собой перевод из «*Revue Britannique*» (1834, XII). Здесь дана следующая характеристика «Альгамбрских сказок»:

* Из цикла «Альгамбрских сказок» были напечатаны: в 1835 г. в «Сыне отечества» (№ 70) — «Альгамбрская роза», в 1836 г. — «Губернатор Манко» («Сорок одна повесть лучших иностранных писателей». Ч. IX). Полный перевод «Альгамбры» был издан в 1879 г.: *Ирвинг В.* Путевые очерки и картины / Перевел с англ. А. Глазунов. М., 1879. См. также: *Наследство Мавра и Арабский Астролог*. Испанские легенды: Соч. В. Ирвинга. М., 1889.

«“Альгамбрские повести” непосредственное принадлежат вымыслу <автор статьи сравнивает «Альгамбру» с «Летописями покорения Гренады»>; но с романтическими преданиями там смешаны путевые воспоминания, в которых и та же свежесть и та же прелесть, что в описаниях Sketch Book».

Большая часть «Альгамбрских сказок» — это новеллы о мавританских кладах.

В письмах Ирвинга из Альгамбры он неоднократно упоминает о своем проводнике Матео Хименесе, рассказы которого он записал*.

Впрочем, сам Ирвинг разоблачает свой метод «воссоздания» народных легенд:

«Познакомив... читателя с местностью Альгамбры, я теперь перейду к области чудесных легенд... которые я усердно собирал... пользуясь всевозможными рассказами и малейшими намеками, как пользуется археолог несколькими уцелевшими буквами почти стертой надписи, чтобы восстановить какой-нибудь исторический документ» (гл. «Местные предания»)**.

* Письмо Ирвинга из Альгамбры от 15 марта 1828 г.: «...я получил от моего проводника много весьма любопытных подробностей о суевериях, которые существуют среди бедного народа, населяющего Альгамбру и которые касаются ее старых разрушающихся башен. Я записал эти забавные маленькие истории, и он обещал мне сообщить еще другие. Они преимущественно относятся к маврам и богатствам, которые те схоронили в Альгамбре, и к появлению их потревоженных духов среди башен и развалин, где спрятано их золото» (The Life and Letters of Washington Irving. London, 1862. Т. 1. Р. 435).

Один из менее известных «рассказов» Хименеса (со ссылкой на Ирвинга), в качестве «народного», мы находим в «Письмах об Испании» В. П. Боткина (СПб., 1857. С. 412). Ср.: *Ирвинг В.* Путевые очерки и картины. М., 1879. С. 266. В книге Ирвинга этот рассказ представляет собою как бы зерно легенды об арабском звездочете.

** 19 октября 1830 г. Ирвинг писал из Лондона: «Я закончил три сказки из “Альгамбры” и работал над тремя другими. Долгоруков, прочитавший законченные, очень одобрительно о них отзывается, а он по своему знанию страны, тех мест и народа может судить о верности местного колорита этих произведений» (The Life and Letters of Washington Irving. Т. 1. Р. 521).

Кн. Дмитрий Иванович Долгоруков (1797—1867), сын поэта И. М. Долгорукова, был в это время секретарем русского посольства в Лондоне. С Ирвингом Долгоруков подружился в Мадриде, где был атташе русского посольства. До своей дипломатической карьеры Долгоруков писал стихи и был членом общества «Зеленая лампа», где он встречался с Пушкиным. С 4 апреля 1820 г. Долгоруков — чиновник русского посольства в Константинополе (вместе с С. И. Тур-

Кроме цикла новелл о кладях, в книге находятся: легенда «История о трех прекраснейших принцессах» и две пародийные волшебные сказки — «Легенда о принце Ахмеде-аль-Камеле» и «Легенда об арабском звездочете».

3

Сюжет пародийной «Легенды об арабском звездочете» чрезвычайно сложен, с чудесными происшествиями и со всеми аксессуарами псевдоарабской фантастики, которую сам Ирвинг характеризует как «гарун-аль-рашидовский стиль».

Этой легенде предпослан небольшой пролог, озаглавленный «*La maison de la Girouette*», в котором Ирвинг пытается связать свою сказку с определенным местом — древним мавританским дворцом в Гренаде, якобы разысканным самим автором. Дворец этот назывался *La casa del Gallo de Viento*, что, по мнению Ирвинга, значит дом Флюгера (по флюгеру в виде мавританского всадника, бывшего на одной из его башен). Проф. Б. А. Кржевский указал мне, что такого мавританского дворца в Гренаде нет, флюгер по-испански называется *jiralda* (а не *Gallo de Viento*) и в VIII веке — время, на которое указывает Ирвинг, — не могло быть арабской архитектуры.

Легенда довольно длинна, и поэтому я ограничусь здесь самым кратким пересказом.

На старого мавританского короля Абен-Габуза, «отставного завоевателя», нападают враги.

Арабский звездочет, глубокий старик Ибрагим, наперсник короля, рассказывает ему о талисмане, предупреждающем о нападении врагов (петух и баран из меди), и сооружает другой талисман с тем же назначением (медного всадника)*.

Враги Абен-Габуза уничтожены.

геневым и Д. В. Дашковым). В 1821 г. он вернулся в Петербург. В письмах Пушкина к С. И. Тургеневу (из Кишинева, 21 августа 1821 г.) есть упоминание о Долгорукове: «Кланяюсь Чу <Д. В. Дашков>, если Чу меня помнит, — а Долгорукий меня забыл». Письма Долгорукова из-за границы напечатаны в «Русском архиве» 1914—1915 гг. В них нет ни одного упоминания ни об Ирвинге, ни о Пушкине.

* Магический всадник из меди есть и в сказках «Тысячи и одной ночи», но там он имеет иное назначение (см. «Рассказ о носильщике и трех девушках»). Этим указанием я обязана акад. И. Ю. Крачковскому.

Талисман снова начинает действовать.

Разведчики находят в горах готскую принцессу.

Король влюбляется в принцессу и, исполняя ее прихоти, разоряет Гренаду. Вспыхивает революция.

Звездочет требует девицу в награду за все оказанные королю услуги.

Король, давший слово наградить звездочета, отказывается.

Происходит ссора звездочета с королем.

Звездочет и принцесса проваливаются в подземное жилище звездочета, где пребывают и доныне (развязка типа «Барбароссы»).

Талисман перестает действовать. С течением веков он превращается в простой флюгер.

Враги снова нападают на «отставного завоевателя» * Абен-Габуза.

В этой легенде Ирвинг использовал материал своих исторических сочинений, над которыми он работал во время своего пребывания в Альгамбре. Эти сочинения: «История покорения Гренады» (изд. в 1829 г.), «Легенды о завоевании Испании» (изд. в 1835 г.) и «Магомет и его преемники», вышедшее только в 1850 году.

Ирвинг — великий мистификатор, продолжатель традиций Аддисона.

За три года до выхода «Альгамбрских сказок» он выпустил «Историю покорения Гренады». Эта книга принадлежит к распространенному в то время жанру исторических хроник. Повествование ведется от имени вымышленного циклизатора, монаха Антонио Агапида.

Не касаясь сложного и требующего особого исследования вопроса о близости «Легенды об арабском звездочете» к испанскому фольклору и так называемым пограничным романсам **2, отмечу только, что из этой хроники взяты главные персонажи «Легенды об арабском звездочете». Биография Абен-Габуза во многом повторяет биографию Мулей-Абен-Гассана, отца Боабдила, последнего мавританского короля. Звездочет Ибрагим — безымянный араб-волшебник, принимавший участие в защите Малаги. Готская принцесса — пленная христианская девушка, одна из жен короля Мулей-Абен-Гассана.

* Точнее: «удалившийся от дел завоеватель».

** По сообщению, проф. Мадридского университета Азин-Палациоса, источниками «Альгамбры» Ирвинга в Испании никто не занимался.

Знакомство Пушкина с «Альгамбрскими сказками» Ирвинга можно датировать 1833 годом.

К этому времени относится черновой набросок «Царь увидел пред собой...» *. Первые десять строчек этого наброска, до сих пор не поддававшегося никакому комментарию, представляют собой, как нами установлено, стиховой «пересказ» куска «Легенды об арабском звездочете», не использованного Пушкиным в «Сказке о золотом петушке».

Приведу параллельные тексты:

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.

...Devant chacune de ces fenêtres était
une table sur laquelle on avait rangé,
comme des échecs, une petite armée
infanterie et cavalerie... le tout sculpté
en bois.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченьясь на лошадаках,
В коленкорových перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах...

...Le roi... s'approcha de l'échiquier
sur lequel les petites figures de bois
étaient rangées et vit... qu'elles étaient
toutes en mouvement. Les chevaux
caracolaient et battaient du pied, les
guerriers brandissaient leurs armes, on
entendait... le son des trompettes et des
tambours... **

Эти фигурки — магические изображения вражеских войск, которые при прикосновении волшебного жезла либо обращались в бегство, либо начинали вести междоусобную войну и уничтожали друг друга. И тогда та же участь постигала наступающего неприятеля.

* В пушкинских черновиках этот набросок находится между «Езерским» и началом перевода «Одиссеи» (тетрадь № 2374 <ныне: ПД. № 845>, л. 7). Впервые напечатан под заглавием «Опыт детского стихотворения» (Рус. архив. 1881. № 3. С. 473). Наиболее полный текст напечатан в Полн. собр. соч. А. С. Пушкина. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 257.

** Привожу перевод этого отрывка: «...перед каждым окном находилась стол, на котором была расставлена, как шахматы, миниатюрная армия — пехота и кавалерия, вырезанные из дерева... Король... приблизился к шахматному столику, на котором были расставлены деревянные куколки, и увидел... что все они пришли в движение. Лошади гарцевали и били копытами, воины потрясали оружием, и слышался звук труб и барабанов».

В черновике Пушкина: [Музыканты] на лошадаках
И [перед пешими]
И [копья дротики блестят].

Насколько близка фабула «простонародной» сказки Пушкина к легенде Ирвинга, становится ясным при параллельном сличении:

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;

Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали.
Ждут, бывало, с юга, глядь —
Ан с востока лезет рать!
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон,
Что и жизнь в такой тревоге!

Il etait une fois... * un roi maure,
nommé Aben-Habuz... C'était un conquérant retiré des affaires, c'est-à-dire qu'après avoir dans son jeune temps, mené une vie d'hostilités et de déprédations continuelles, maintenant qu'il devenait vieux et faible, il n'aspirait qu'à rester en paix avec tout le monde... à jouir en repos des domaines qu'il avait enlevés à ses voisins.

Il advint cependant que ce monarque... eut à combattre de jeunes rivaux... Certaines parties éloignées de son territoire qui dans les jours de sa vigueur première n'osaient broncher sous sa main de fer, s'avisèrent... de se révolter. Ainsi attaqué au dedans et au dehors, le malheureux Aben-Habuz vivait... dans des alarmes perpétuelles, ne sachant de quel côté commencent les hostilités.

Ce fut en vain qu'il bâtit des tours d'observation... et qu'il fit garder tous les passages par des troupes stationnaires... Fut-il jamais conquérant paisible et retiré plus tourmenté que le pauvre Aben-Habuz? **

* Обыкновенное французское сказочное начало.

** «Жил однажды мавританский король по имени Абен-Габуз... Это был завоеватель, уже удалившийся на покой, — другими словами, проведя все молодые годы в непрерывных набегах и грабежах, теперь состарившись и одряхлев, он ничего другого не желал, как жить со всеми в мире... безмятежно наслаждаться жизнью во владениях, некогда отнятых им у соседей. Случилось, однако, что этому королю... пришлось вести борьбу с молодыми соперниками... Некоторые отдаленные области его государства, которые в дни былой его мощи и пикнуть не смели под его железной дланью, вздумали бунтовать. И несчастный Абен-Габуз, которому, таким образом, грозили одновременно извне и изнутри, жил... в постоянных тревогах, не зная, с какой стороны ожидать ему нападения. Напрасно построил он сторожевые башни и повелел, чтобы особые войска постоянно охраняли все входы и выходы... Бывал ли когда-нибудь столь миролюбивый, живущий на покое завоеватель в более трудном положении, чем бедный Абен-Габуз?» (фр.; здесь и далее пер. Э. Г. Герштейн). — *Сост.*

Сходство ситуаций полное. Отсутствует только мотив восстания провинций. «Биографии» царя Дадона и короля Абен-Габуза совпадают. Отмечу, что у героев других пушкинских сказок (Салтан, Елисей и др.) «биография» отсутствует.

Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу,
Звездочету и скопцу...

Вот мудрец перед Дадonom
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной *,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встретенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
«За такое одолженье, —
Говорит он в восхищеньи, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

...un vieux médecin arabe vint à sa cour... En peu de temps il devint le conseiller intime du roi... Aben-Habuz se plaignait... de la vigilance continuelle qu'il était forcé d'observer... l'astrologue lui répondit... «Apprends, ô roi, que... je vis une grande merveille... sur une montagne... on voyait la figure d'un bélier, sur lequel était un coq, l'un et l'autre en airain et tournant sur un pivot. Toutes les fois que le pays était menacé d'une invasion, le bélier se tournait du côté... de l'ennemi, et le coq chantait, ce qui avertissait les habitants de la ville qu'ils étaient en danger et leur indiquait le point vers lequel devait se diriger leur défense».

«Dieu est grand!» s'écria... Aben-Habuz. «Quel trésor serait pour moi un bélier semblable... et un coq qui m'avertirait en cas de danger!.. combien je dormirais plus tranquille... dans mon palais, si de telles sentinelles veillaient sur mon sommeil!.. Donne-moi cette bienheureuse sauvegarde, et dispose des richesses de mon trésor» **.

* Вероятно, намек на междоусобные войны. Ср. «бунт в столице» в черновике.

** «Спокойся при его дворе некий престарелый арабский лекарь... и в скором времени стал ближайшим советником короля... Абен-Габуз жаловался... что приходится постоянно быть настороже... Астролог ему на это ответил: “Узнай, о государь, что... видел я великое чудо... На некоей горе стоял баран, а на нем петух — оба медные, и они вращались на стержне. Всякий раз, когда той стране угрожало вражеское нашествие, баран поворачивался в сторону неприятеля, а петух принимался кричать, тем самым предупреждая жителей города об опасности и указывая, откуда та грозит”. «Сколько велик господь! — воскликнул Абен-Габуз. — Каким сокровищем был бы для меня такой баран... и петух, которые предупреждали бы меня в случае опасности. Насколько спокойнее спал бы я в моем дворце, когда бы такие часовые охраняли мой сон! Добудь мне эту благословенную стражу и владей всеми богатствами моей сокровищницы» (фр.).

У Ирвинга о талисмани в виде медного петуха звездочет только рассказывает королю (сооружает же он медного всадника).

Принято считать, что в пушкинской сказке петух — «живой». Однако стих «Вдруг раздался легкий звон» (полет золотого петушка) как будто противоречит этому.

Петушок с высокой спицы
 Стал стеречь его границы.
 Чуть опасность где видна,
 Верный сторож, как со сна,
 Шевельнется, встрепенется,
 К той сторонке обернется
 И кричит: «Кири-ку-ку.
 Царствуй, лежа на боку!»
 И соседи присмирели,
 Воевать уже не смели.
 Таковой им царь Дадон
 Дал отпор со всех сторон!

...il insultait... ses voisins... pour les induire à l'attaquer; mais des malheurs réitérés les rendirent prudents, et enfin aucun d'eux n'osa plus envahir son territoire*.

У Ирвинга волшебные талисманы не разговаривают (медный петух, медный всадник). У Пушкина золотой петушок иронизирует над царем.

Год, другой проходит мирно;
 Петушок сидит все смирно.
 Вот однажды царь Дадон
 Страшным шумом пробужден.
 «Царь ты наш! отец народа! —
 Возглашает воевода: —
 Государь! проснись! беда!»
 — «Что такое, господа? —
 Говорит Дадон, зевая: —
 А?.. Кто там?.. беда какая?»
 Воевода говорит:
 «Петушок опять кричит,
 Страх и шум во всей столице».
 Царь к окошку — ан на спице,
 Видит, бьется петушок,
 Обратившись на восток.
 Медлить нечего: «Скорее!
 Люди, на конь! Эй, живее!»**
 Царь к востоку войско шлет...

Pendant plusieurs mois la figure de bronze resta sur le pied de la paix...

Un matin de très bonne heure, la sentinelle qui montait la garde sur la tour vint avertir le roi que le visage du cavalier de bronze était tourné vers Elvira...

«Que les tambours et les trompettes sonnent l'alarme dans Granade», dit le roi; «que chacun prenne les armes»***.

* «Он оскорблял своих соседей, дабы побудить их к нападению, но неудачные вылазки сделали их осторожными, и в конце концов никто из них не осмеливался больше вторгаться в его владения» (фр.).

** Ср. заметку <Пушкина> «В древние времена...»: велели «садиться на коней».

*** «Многие месяцы медный всадник оставался неподвижным, как это подобало ему в мирное время. Однажды ранним утром часовой,

Диалог царя с воеводой дан в плане гротеска. В сказке Ирвинга, несмотря на общий иронический тон повествования, аналогичный эпизод не имеет подобной окраски.

Дальше у Пушкина следует вставной эпизод с царскими сыновьями и поход царя, отсутствующие в легенде Ирвинга.

У Ирвинга воины короля отправляются в горы — место, указанное талисманом, где они не встречают ни одного неприятеля, но находят готскую принцессу. Они приводят ее к Абен-Габузу.

и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя, как заря,
Тихо встретила царя.

.....

Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

On amena donc au vieux roi cette belle personne... Des perles d'une éblouissante blancheur étaient entrelacées dans ses tresses noires, les diamants qui brillaient sur son front rivalisaient d'éclat avec ses yeux... Les éclairs que lançaient ses yeux noirs et brillants tombèrent comme des étincelles sur le coeur d'Aben-Habuz... Aben-Habuz se livra sans résistance à sa passion*.

У Пушкина ситуация гораздо сложнее, чем у Ирвинга. Царь влюбляется в Шамаханскую царицу над трупами своих сыновей**.

Последнее и самое значительное совпадение мы видим в сцене расплаты:

«Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу».

(Король обещает звездочету первое выючное животное с ношею, которое вступит в волшебные ворота. Этим животным оказывается мул, на котором едет принцесса.)

стоявший на сторожевой башне, явился к королю и сообщил, что лицо медного всадника повернуто в сторону Эльвира... "Пусть по всей Гренаде бьют в барабаны и трубят в трубы, возвещая о тревоге, — сказал король, — и каждый пусть берется за оружие"» (фр.).

* «Итак, красавицу эту привели к старому королю. Жемчуга ослепительной белизны были вплетены в ее черные косы; бриллианты, сверкавшие на ее челе, блеском своим соперничали с ее очами... Сияние, которое излучали черные ее очи и бриллианты, воспламенило сердце Абен-Габуза... Абен-Габуз покорно отдался во власть своей страсти» (фр.).

** Единоборство братьев-соперников — очень распространенный мотив европейского фольклора. См., например, английскую балладу «Lord Ingram and Chiel Wyet» <Child. The English and Scottish popular ballads. Boston, 1882—1891>, где совершенно так же, как в «Петушке», описаны убившие друг друга братья.

Крайне царь был изумлен.
 «Что ты? — старцу молвил он: —
 Или бес в тебя ввернулся?
 Или ты с ума рехнулся?
 Что ты в голову забрал?
 Я, конечно, обещал,
 Но всему же есть граница.
 И зачем тебе девица?
 Полно, знаешь ли, кто я?
 Попроси ты от меня
 Хоть казну, хоть чин боярский,
 Хоть коня с конюшни царской,
 Хоть полцарства моего».
 — «Не хочу я ничего!
 Подари ты мне девицу,
 Шамаханскую царицу», —
 Говорит мудрец в ответ.
 Плынул царь: «Так лих же, нет!
 Ничего ты не получишь.
 Сам себя ты, грешник, мучишь;
 Убирайся, цел пока;
 Оттащите старика!»*

«Voici», dit l'astrologue, «la récompense que vous m'avez promise»... Aben-Habuz sourit à ce qu'il croyait une plaisanterie du vieillard; mais quand il vit qu'il parlait sérieusement, sa barbe grise trembla d'indignation. «Fils d'Abou Agib» dit-il d'un air très grave, «que veut dire cette équivoque? Tu sais ce que j'ai entendu promettre...

...Prends la plus forte mule de mes écuries, forme sa charge des objets les plus précieux de mon trésor, elle est à toi»... «Qu'ai-je affaire de ton or, de tes richesses?.. dit l'astrologue avec mépris. «La princesse m'appartient de droit, ta parole royale est engagée, je la réclame comme mon bien»... La rage du monarque l'emportant sur sa prudence il s'écria: «Vil enfant du désert, tu peux être savant dans plus d'un art, mais reconnais que je suis ton maître; ne sois pas assez téméraire pour te jouer de ton roi. «Toi, mon maître», reprit l'astrologue, «mon roi. Le souverain d'une taupinière voudrait conner des lois à celui qui possède le livre de Salomon. Adieu...

* Мне остается еще указать на те места в «Сказке о золотом петушке», которые ближе к легенде в рукописях, чем в печатной редакции:

[И поставь его ты мне]
 [Где-нибудь на вышине]
 (белов.)

Весь, [как] наморщен,
 С бородою поседелой
 (черн.)

Весь [в морщинах] как
 лебедь поседелый
 (белов.)

Петушок слетел со спицы,
 [С крыши] к колеснице
 (черн.)

Петушок [на кровле царской]
 с высокой спицы
 [сторожит] стал стеречь его
 границы
 (белов.)

Sur une montagne qui domine une ville considérable ... on voyait la figure d'un bélier sur lequel était un coq...

Une grande barbe lui descendait jusqu'à la ceinture... et ne put que perpétuer que ses rides et ses cheveux gris.

Sur le sommet de la tour était une figure de bronze attachée sur un pivot...

<«На горе, возвышающейся над большим городом... виднелось изваяние барана, на котором сидел петух...»

«Длинная борода ниспадала до самого пояса и еще более подчеркивала его морщины и седые волосы».

«На верхушке башни находилось медное изваяние, укрепленное на стержне...» (фр.)».

règne sur ton petit royaume et réjouis-toi dans ton paradis des fous...» *

У Пушкина отказ звездочета от царских милостей и требование Шамаханской царицы ничем не мотивированы. В легенде Ирвинга звездочет — женолов, и он отказывается от наград, предлагаемых королем, потому что владеет волшебной книгой царя Соломона. В черновике и еще в беловике Пушкин называет звездочета — шамаханским, т. е. союзником Шамаханской царицы. Тогда бы было ясно, отчего он ее требует.

Развязка «Сказки о золотом петушке» существенно отличается от источника. Когда Абен-Габуз не исполняет обещания, волшебный флюгер (медный всадник) только перестает предупреждать его о приближении опасности. В пушкинской же сказке талисман (золотой петушок) является орудием казни царя-клятвопреступника и убийцей **.

Пушкин как бы сплющил фабулу, заимствованную у Ирвинга, некоторые звенья выпали, и отсюда — фабульные невязки, та «неясность» сюжета, которая отмечена исследователями. Так, например, у Пушкина не перенесены «биографии» звездочета и принцессы, что создает некоторую таинственность.

В отличие от других «простонародных» сказок Пушкина, в «Сказке о золотом петушке» отсутствует традиционный сказочный герой, отсутствуют чудеса и превращения.

* «Вот, — сказал астролог, — та награда, которую вы мне обещали”. Абен-Габуз улыбнулся, считая это шуткой старца, но, когда он понял, что тот говорит всерьез, его седая борода затряслась от негодования. “Сын Абу Агиба, — сказал он с важным видом, — что это за намек? Ты ведь знаешь, что я имел в виду своим обещанием... Возьми себе самого выносливого мула из моих конюшен; нагрузи на него самые драгоценные вещи из моей сокровищницы, она в твоём распоряжении...” — “На что мне твое золото и твои сокровища? — презрительно сказал астролог. — Принцесса принадлежит мне по праву: ты обязан своим королевским словом, я требую ее, она принадлежит мне...” Гнев монарха взял тут верх над благоразумием, и он воскликнул: “Презренный сын пустыни, ты, может быть, превзошел многие и многие науки, но согласишься, что я твой господин, не будь столь безрассуден и перестань издеваться над своим королем”. — “Это ты мой господин, — повторил астролог, — мой король? Ты, властитель какого-то жалкого клочка земли, хочешь приказывать тому, кто владеет книгой Соломоновой? Прощай же. Управляй своим крошечным королевством и веселись в своем раю для дураков”» (фр.).

** Следует отметить, что в «Сказке о царе Салтане» развязка тоже не совпадает с развязкой источника, и то, что царь на радости прощает злых сестер, по замечанию Сумцова, черта «совсем чуждая народным вариантам»³.

Очевидно, что в легенде Ирвинга Пушкина привлек не «гарундаль-рашидовский стиль».

Все мотивировки изменены в сторону приближения к «натуралитичности», и очень усилен сатирический характер.

Так, например, если у Ирвинга Абен-Габуз засыпает под звуки волшебной лиры или просто говорит в начале: «Как спокойно я спал бы в моем дворце, имея таких сторожей...», у Пушкина Дадон спит в начале сказки на все лады. Междоусобие в горах в легенде мотивируется действием талисмана, в «Сказке о золотом петушке» — причиной естественного характера — ревностью и т. д.

У Пушкина все персонажи снижены.

Дадон, как и Абен-Габуз, — «отставной завоеватель», но «миролюбивый» король мавров кровожаден, а царь — ленивый самодур. (Самое имя царя взято из «Сказки о Бове Королевиче», где Дадон — «злой» царь.) В юношеской поэме Пушкина «Бова» Дадон — имя царя-«тирана», которого Пушкин сравнивает с Наполеоном.

В сказке Ирвинга главные персонажи, король и звездочет, тоже грозный, — пародийны, Пушкин же иронизирует только над царем, образ которого совершенно гротескный. Звездочет — таинственный, и Пушкин говорит о нем с нежностью: «Весь как лебедь поседелый». Сцена встречи Дадона с Шамаханской царицей («и в шатер свой увела») заставляет вспомнить о «Сказке о Еруслане Лазаревиче», причем в черновике сходство более явное:

Что же меж высоких гор
Белый шелковый шатер (шелк Шемахи)
 В том шатре сидит девица
 Шамаханская царица.

А в лубочном издании «Сказки о Еруслане»: «И наехал в чистом поле на *бел шатер*, в котором *сидели* три прекрасные девицы, дочери царя Бугригора. Таковых прекрасных более на свете нет».

Далее следует любовная сцена в шатре и убийство двух сестер.

«Сказка о золотом петушке», включенная самим Пушкиным в цикл его «простонародных сказок» * (и обычно рассматриваемая в ряду других пушкинских сказок), носит на себе яркий отпечаток «простонародности».

* См. список на обороте последней страницы белой рукописи.

Сличение черновика и белого автографа «Сказки о золотом петушке» * показывает, что Пушкин в процессе работы снижал лексику, приближая ее к просторечию **.

Приведем несколько примеров.

Царь к окошку, — что *ж* на спице (черн.)
 Царь к окошку, *ан* на спице (оконч. ред.)
 Что *же?* *меж* высоких гор
И промеж высоких гор
 Ты [старик] мудрец с[о] *ума сошел*
 [Видно] Или ты с *ума рехнулся?*
Вспыхнул царь — так же нет
Плюнул царь: Так лих же, нет!
Крикнул [Царь] и в то же время
Охнул раз, — и умер он.

Жанром простонародной сказки мотивирован ввод элементов фольклора: «побитая рать, побоище», «сорочинская шапка» ***, шемаханский «белый шатер», эпитет «шамаханский» (в народных сказках обычно — «шамаханский шелк») **** и др.

Из фольклора заимствован и традиционный зачин:

Негде, в тридевятом царстве...

а также:

Его за руку взяла
 И в шатер свой увела.

* Черновая рукопись: тетрадь № 2374 (Публ. библиотека им. Ленина в Москве <ныне: ПД. № 845>); белой автограф находится в Публ. библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Черновики до сих пор не были изучены. Пользуюсь транскрипциями, предоставленными мне С. М. Бонди, которому приношу благодарность.

** В 1832 г. Н. М. Комовский писал Языкову: «Жуковский как сказочник обрелся и приделся на новый лад, а Пушкин в бороде и армяке» (Ист. вестник. 1883. № 12. С. 534).

*** В чистом поле стоит человек, копьём подпершись, во белой епанче, шляпа на нем сорочинская, и стоячи дремлет» («Сказка о Еруслане Лазаревиче»); см. также строфу о «Римской папе» в черновике «Сказки о рыбаке и рыбке»: «На старухе сорочинская шапка, на шапке венец лат<инский>, на венце тонкая спица, на спице Строфилус-птица».

**** «Седлает того доброго коня <...> и подтягивает двенадцать подпруг шелку шамаханского...» («Сказка о Иване Богатыре»). И в поэме Радищева «Бова»:

Но предательски помосты,
 Покровенные коврами
 Шелку мягка шамаханска.

Бутафория народной сказки служит здесь для маскировки политического смысла.

Так в XVIII веке жанр «арабской» сказки часто служил шифром для политического памфлета или сатиры («Каиб» Крылова). Так Державин называет Сенат Диваном. Примером использования русского фольклора для выпадов против самодержавия может служить «Бова» Радищева, которому Пушкин подражал в своем лицейском «Бове» и о котором он вспомнил в 33—34 годах в статье «Александр Радищев».

Ю. Н. Тынянов вскрыл двупланность семантической системы Пушкина: «На “Мощарта и Сальери” благодаря его семантической двупланности обиделся Катенин... а “Пир во время чумы” написан во время холерной эпидемии. Семантическая структура трагедии костюмов, данная на иноземном материале, была полна современным автобиографическим материалом»*.

В «Сказке о золотом петушке» содержится ряд намеков памфлетного характера**. Но элементы «личной сатиры» зашифрованы с особой тщательностью. Это объясняется тем, что предметным адресатом был сам Николай I.

Ссора звездочета с царем имеет автобиографические черты.

В черновой и даже белой рукописях намеки совсем прозрачны. В черновике:

Но с [царями] плохо вздорить.

Тут же слово «царями» зачеркнуто и заменено «могучим»:

Но с могучим плохо вздорить***.

Однако в белом списке Пушкин восстанавливает первую редакцию:

Но с *царями* плохо вздорить.

В печатной редакции намек снова «зашифрован»:

Но с *иным* накладно вздорить.

* Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 269.

** Эти намеки, а также ироническое отношение к главному персонажу, царю Дадону, вызвали предположение, что «Сказка о золотом петушке» — «затушеванная политическая сатира» (см.: 1) Пушкин А. Сказки / Ред., вступ. статья и объясн. А. Слонимского. М.; Л., 1930. С. 25—29 (изд. для детей); 2) Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1931. Т. 6. С. 331 (путеводитель по Пушкину)).

*** Ср.: «И новый царь, суровый и могучий».

Это, в свою очередь, вызвало изменение текста «нравоучительной» концовки. Эту концовку Пушкин перенес из «Сказки о мертвой царевне»:

Сказка ложь, да нам урок,
А *иному* и намек.

При таком сопоставлении намек получался чересчур уж ясным. Поэтому в окончательной редакции текст принял следующий вид:

Сказка ложь, да в ней намек *:
Добрым молодцам урок.

Значит, намек состоит в «уроке». Царь — «молодец».

Тема «Сказки о золотом петушке» — неисполнение царского слова.

Царь, получив от звездочета волшебного петушка, обещает исполнить первую его волю:

За такое одолжение, —
Говорит он в восхищеньи, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою.

А когда дошло до расплаты:

Что ты? — старцу молвил он. —
Или бес в тебя ввернулся?
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница...

В черновике гораздо резче:

[От] [от] [моих] [от] [царских] [слов]
[Отпереться я готов]

В черновике — звездочет *требует* исполнения данного царем обещания:

Царь! — он молвил — [ты обещаешь] дерзновенно
[Обещал] [ты клялся] [мне] [Обеща] [ты] [с] (?) [обещ] (?)
[Ты мне дал], [что] непременно
[ты] что исполнишь как свою
[волю] что первую мою
Так ли? — *шлюсь на всю столицу*

* Во всех изданиях Пушкина после слова «намек» стоит не двоеточие, как в белой рукописи, а запятая (по записи в дневнике Пушкина) или знак восклицательный.

Любопытна здесь ссылка звездочета на «всю столицу» (общественное мнение).

По первоначальному замыслу скопец, которого Дадон приказывает гнать, упрекает царя:

[Так-то платишь]
[Молвил старичок]

В 1834 году Пушкин знал цену царскому слову.

4

Положение, в котором оказался Пушкин к 1834 году, можно охарактеризовать следующей строкой из «Езерского» *:

Прощен и милостью окован.

К этому времени окончательно выяснилось, что первая царская милость — освобождение от цензуры — на деле привела к двойной цензуре — царской и общей.

После запрещения целого ряда произведений 11 декабря 1833 года Пушкину был возвращен «Медный всадник» с замечаниями царя, которые заставили Пушкина расторгнуть договор со Смирдиным.

Другим проявлением царской милости было дарование Пушкину звания камер-юнкера двора его величества (31 декабря 1833 г.).

Можно считать установленным, что своего камер-юнкерства Пушкин не простил царю до самой смерти **.

История отношений Пушкина с двором после пожалования ему низшего придворного чина, а также ссора с царем в связи с перлюстрацией письма к жене достаточно освещены в целом ряде работ.

25 июня 1834 года Пушкин отправил Бенкендорфу письмо с просьбой об отставке.

Прошению об отставке предшествовала перлюстрация письма Пушкина к жене (от 20—22 апреля).

Пушкин писал: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня *не жаловал*; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не

* 1833 г., осень.

** См. черновики статьи Пушкина о Вольтере (1836), исследованные Ю. Г. Оксманом <Пушкин А. С. Собр. соч. М., 1962. Т. 6. С. 499>.

ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка *будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил*. Не дай бог ему итти по моим следам, *писать стихи да ссориться с царями!*»

Здесь Пушкин, несомненно, вспоминал о своем стихотворении «Моя родословная» (1830):

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.*

Историю своих отношений с царями Пушкин связывает с темой о взаимоотношениях рода Пушкина с династией Романовых.

Письмо Пушкина было доставлено к царю, который не постыдился в том признаться и дал «ход интриге, достойной Видока и Булгарина».

Свою запись в дневнике по этому поводу Пушкин заканчивает очень резким выпадом по адресу Николая: «...что ни говори, мудроно быть самодержавным».

Монарх подтвердил это мнение Пушкина, поручив Бенкендорфу «объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться...».

Бенкендорф «объяснил», и Пушкин взял обратно прошение об отставке: «На днях хандра меня взяла, подал я в отставку, но получил <...> от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтоб мне отставку не давали» (письмо к жене, первая половина июля).

Обращаясь к Бенкендорфу с просьбой об отставке, Пушкин в то же время просит не запрещать ему вход в архивы.

То, что Пушкин в минуту наибольшего раздражения против царя все же просит о незапрещении доступа в архивы, доказывает, какое важное значение он придавал этому и каким ударом должен был быть для него отказ.

С начала 30-х годов на своих исторических работах Пушкин намеревался построить не только свое материальное благополучие, но все отношения с царем и «высшим светом». Ни «Евгений Онегин», ни «Полтава», ни «Борис Годунов» не могли принести ему того общественного положения, без которого жизнь в Петербурге казалась ему неприемлемой.

* Ср. в «Сказке о золотом петушке»:

Но с царями плохо вздорить.

Еще в 1831 году Пушкин писал Бенкендорфу: «*Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III*».

И смел, и желал.

Вспомним, с какой радостью сообщает он ближайшим друзьям, Нащокину и Плетневу, что царь разрешил ему доступ в архивы для написания «Истории Петра Великого» *.

В биографии Пушкина этот вопрос имеет очень серьезное значение.

30-е годы для Пушкина — это эпоха поисков социального положения. С одной стороны, он пытается стать профессиональным литератором, с другой — осмыслить себя как представителя родовой аристократии.

Звание историографа должно было разрешить эти противоречия.

Для Пушкина это звание неотделимо было от образа Карамзина — советника царя и вельможи, достигшего высокого придворного положения своими историческими трудами.

Однако Николай I и его приближенные вовсе не предназначали Пушкина для такой высокой роли.

А. Н. Вульф в феврале 1834 года записал в своем дневнике: «Самого же поэта я нашел <...> сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь *повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок*. Он говорит, что он возвращается к оппозиции...» **.

Эта запись представляет большой интерес как сообщением о возвращении Пушкина к оппозиции, так и указанием на то, что Пушкин считал себя оскорбленным именно как автор «Истории Пугачева» и русских сказок. (Карамзин тоже писал русские сказки.)

Описывая в дневнике свою первую встречу с Николаем после пожалования придворного звания, Пушкин отмечает, что гово-

* Письмо к Плетневу (от 22 июля 1831 г.): «...царь взял меня в службу — но не в канцелярскую, или придворную, или военную, — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли?»

Письмо к Нащокину от 3 сентября 1831 г.: «...царь <...> взял меня в службу, т. е. дал жалования и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай бог здоровья царю!»

** Майков Л. Пушкин. СПб., 1899. С. 208.

рил с царем о Пугачеве (утверждал себя как историограф *), а за камер-юнкерство его не благодарил (что было явным нарушением этикета).

После всего сказанного становится понятным, что категорический отказ на просьбу не закрывать архивы мог расцениваться Пушкиным как жест «самовластного помещика», который хотел таким образом уничтожить все его планы.

Под знаком ссоры с царем прошло все лето 1834 года. Пушкин сдался, но примирение все же не состоялось **.

25 августа, за 5 дней до открытия Александровской колонны, Пушкин покинул Петербург, «чтобы не присутствовать на церемонии вместе с камер-юнкерами».

Отъезд Пушкина из столицы, чуть не накануне торжества, несомненно, был демонстрацией.

Запись об этом, сделанная им в дневнике спустя три месяца, свидетельствует о том, что отношение Пушкина к своему положению не изменилось.

Находясь проездом в Москве (8 и 9 сентября), Пушкин в письме к А. И. Тургеневу с иронией отзывается о своей придворной карьере: «Благодарен Полевому за его доброе расположение к историографу Пугачева, камер-юнкеру и проч.».

13 сентября Пушкин приехал в Болдино, где он собирался писать. Об этом он сообщает жене (15 сентября): «Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение».

Но болдинская осень 1834 года была для Пушкина самой бесплодной. Кроме «Сказки о золотом петушке» он ничего не написал.

Беловая рукопись помечена 20 сентября.

А 26 сентября А. М. Языков, посетивший Пушкина в Болдине, писал: «...он мне показывал историю Пугачева <...> несколько сказок в стихах, в роде Ершова, и историю рода Пушкиных» ***.

* Описывая свое представление вел. кн. Елене Павловне, Пушкин не забывает отметить: «...говорила со мной о Пугачеве».

** О ссоре с царем Пушкин упоминает еще два раза: 1) в письме к жене от 11 июля: «...на днях я чуть было беды не сделал: с *тем чуть было не поборанился* — и трухнул-то я, да и грустно стало. С *этим поссорюся* — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею; хоть и он *не прав*»; 2) в дневнике: «22 июля. — Прошедший месяц был бурен. Чуть было не *поссорился я со двором* — но все перемололось. — Однако это мне не пройдет».

*** Ист<орический> вестник. 1883. Т. 14. № 12. С. 539. — «Родословная Пушкиных» всегда была для А. С. чем-то оппозиционным или, во всяком случае, *полемическим*.

Можно предположить, что Языков был первым слушателем «Сказки о золотом петушке».

«Сказка о золотом петушке», встреченная молчанием критики, впервые была напечатана в апрельской книжке «Библиотеки для чтения» 1835 года.

Пушкину не удалось избежать подозрения цензуры. Цензор Никитенко не пропустил три стиха сказки. Приведу запись из дневника Пушкина:

«Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова».

Здесь мы видим обычный выпад Пушкина против цензуры (а быть может, и желание сохранить эти строчки хотя бы в дневнике). Однако столкновение с цензурой не было для Пушкина неожиданным.

Беловая рукопись носит следы предварительной «авторской» цензуры. В следующем отрывке:

Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку,
Помолясь Илье пророку —

последняя строка в печатной редакции приняла такой вид:

Сам не зная, быть ли проку.

Изменена одна строка и в эпизоде ссоры звездочета с царем. Царь в ответ на требование звездочета говорит:

И зачем тебе девица?
Полно, сводник, что ли, я?

Эту строку нельзя было представить ни в какую цензуру. Окончательная редакция:

Полно, знаешь ли, кто я?

Наконец, в строке, которая представляет собой как бы ключ ко второму смысловому плану «простонародной» сказки:

Но с *царями* плохо вздорить —

слишком явный выпад заменен полунамеком:

Но с *иным* накладно вздорить*.

Так, в письмах к жене (1834 г.) Пушкин называет царя «тот».

5

Эпизод с царскими сыновьями, вставленный Пушкиным в фабулу, заимствованную у Ирвинга, разбивает «Сказку о золотом петушке» на три части. Первая часть — с начала до строки «Шум утих, и царь забылся». Вторая часть — до строки «Пировал у ней Дадон», третья — от «Наконец и в путь обратный» и до конца.

Мы уже видели, что смысловая двупланность сказки о ссоре царя с звездочетом может быть раскрыта только на фоне событий 1834 года.

Но первая часть сказки заставляет предполагать и другое.

Дело в том, что в облике царя подчеркнуты лень, бездеятельность, «желание охранять свои лавры» (см. «Легенду об арабском звездочете»). Далее черты эти совсем исчезают.

Пушкин никогда не считал Николая I ленивым и бездеятельным. Но черты эти он всегда приписывал Александру I: «Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай» («Воображаемый разговор с императором Александром I», 1822, «Noël», «Ты и я»).

И много позднее, в 1830 году:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, *враг труда*.

И также:

Я всех уйму с моим народом, —
Наш царь в *покое* говорил.

Биография «отставного завоевателя»** Дадона вполне подходит к этому образу***. Известно, что мистически настроенный

* Ср. также: «Иной... Боюсь назвать, но признаны всем светом» («Горе от ума»).

** Четверостишие 1829 г., описывающее бюст Александра I, озаглавлено: «К бюсту завоевателя». В «Age of bronze» <«Бронзовом веке»> Байрона об Александре I «soxcomb tzar» и «imperial dandu» — оба слова значат *щеголь*.

*** «Возвращается Дадон», ср. с «Возвращением Александра I» <«Александр»>.

Александр общался с масонами, а также прорицателями и ясно-видцами* и в конце жизни мечтал о том, чтобы удалиться на покой.

Смолоду был грозен он

.....

Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить...

См. также 10-ю главу «Онегина»: «Наш царь дремал» с «И дремотой царь забылся».

Характеристика короля в «Легенде об арабском звездочете» — «un conquérant retiré des affaires» <«завоеватель, удалившийся от дел»>, «conquérant paisible» <«завоеватель на покое»> — могла поразить Пушкина как полное совпадение с его представлением об Александре I**.

Смещение характерных черт двух царствований, несомненно, имело целью затруднить раскрытие политического смысла «Сказки о золотом петушке». Никто не стал бы искать в Дадоне — стареющем царе, «отставном завоевателе» — подчеркнуто «бодрого» и еще далеко не старого Николая I.

Состояние рукописи никак не противоречит нашему предположению.

Черновик начала сказки (до строки «Шлет к нему гонца с поклоном») не сохранился. Следующие шесть строк записаны на обороте обложки тетради (№ 2374) и датировке не поддаются***. Затем идут строки от «Петушок мой золотой» до «Дал отпор со всех сторон». Они были написаны на листе пятнадцатом в той же тетради, среди произведений 1833 года <«Медный всадник»> и через семь листов от наброска «Царь увидел пред собой», который по первоначальному замыслу, может быть, входил в «Сказку о золотом петушке». Зато, несомненно, относится к осе-

* Голицын, Татаринова, Крюденер и др. Накануне Аустерлицкого сражения Александр I имел продолжительную беседу со скопцом Кондратием Селивановым, который, как говорили в Петербурге, предсказал ему поражение.

** Александр I был фигурой европейской. Пушкин в сатире и мистификаторе Ирвинге мог заподозрить желание в испанской сказке сознательно изобразить Александра I (подавление Испанской революции Александром I).

*** Нахождение этих строк на обложке тетради само по себе говорит за то, что вещь создавалась с перерывами.

ни 1834 года черновая рукопись сказки от строки «Год, другой проходит мирно» и до конца*.

Возможно предположить, что последняя сказка Пушкина написана не сразу. Пушкин неоднократно оставлял свои сказки незаконченными («Сказка об Илье Муромце», «Как весенней теплою порою») или несколько раз возвращался к одному сюжету («Бова»). Часть «Сказки о золотом петушке», с начала до строки «Год, другой проходит мирно», могла быть написана до 1834 года, и в замысел ее могла входить сатира на Александра I.

В черновиках звездочет все время называется шемаханским скопцом и шамаханским мудрецом** и один раз даже астраханским.

Шемаха в 1820 году была присоединена к России.

Поэтому месть шемаханского скопца царю-завоевателю, возможно, ассоциативными нитями связана с этим событием.

В 1834 году схема заполнилась «автобиографическим материалом».

Итак, в образе Дадона могли отразиться два царя, из которых один Пушкина «не жаловал», а другой — «под старость лет упек в камер-пажи».

* Она написана после стихотворения «Он между нами жил», датированного 10 августа 1834 г.

** В беловике видна попытка окончательно отделаться от Шемахи:

Распахнулся... и девица
[Черноброва, круглолица],
[Шамаханская царица].

Последняя строка была изменена на «Черноброва, круглолица», но затем снова восстановлена.